

госостояния, изменение социально-профессионального положения населения (создание совхозов), что сказалось на всех сферах быта и культуры. И в то же время в этот раздел включен маловыразительный, а порою и попросту устаревший материал.

Главы, посвященные различным сторонам материальной культуры томских татар, также начинаются с описаний, относящихся к XVII—XVIII вв., которые автор смог почерпнуть из имеющейся литературы. Однако, к сожалению, большинство разделов материальной культуры можно восстановить в комплексе только с конца XIX в., когда многие традиционные черты уже были утрачены в результате сильного влияния русского населения и переселившихся в Сибирь поволжских татар. Автор вынужден реконструировать древние элементы культуры, привлекая сравнительный материал по этнографии других этнотерриториальных (этнографических) групп сибирских татар, некоторых коренных народов Сибири, Средней Азии и Поволжья и русских. Поставив задачу выделить самобытные черты материальной культуры томских татар, время и степень проникновения в их среду элементов культуры соседних этнических групп, автор четко определяет различные причины изменения форм традиционной культуры и быта этой этнографической группы — влияние соседних народов, социально-экономические и политические условия в царской России и др. Коренные перемены в материальной культуре томских татар произошли в годы Советской власти. В монографии хорошо показано, что главным фактором этих перемен явилось социалистическое строительство. Большой интерес для определения степени сохранения в быту современных томских татар традиционных элементов культуры представляет использование анкетного материала (1479 опросных листов для изучения современных этнических процессов).

Монография вводит в научный оборот большой этнографический материал по традиционной и современной культуре томских татар. Историко-генетический анализ явления материальной культуры позволяет автору поставить вопрос об особенностях этнической истории сибирских татар. Вывод о незавершенности процесса их этнической консолидации и исторических причинах этого явления нам кажется достаточно обоснованным. Работа Н. А. Томилова представляет определенный вклад в решение проблемы этногенеза этой сложной по своему происхождению этнической общности путем выявления ее этногенетических и историко-культурных связей с самодийскими, тюркскими и угорскими народами Сибири и сопредельных территорий.

Порою автор выходит за рамки поставленной задачи. Так, изучение разных хозяйственно-культурных типов у томских татар и некоторых соседних народов Западной Сибири (части алтайцев, шорцев, чулымских тюрков, отдельных групп южных хантов и манси) позволило Н. А. Томилову выдвинуть идею о существовании своеобразного интегрированного хозяйственно-культурного типа рыболовов-охотников-скотоводов лесостепной и южной части лесной зоны.

К сожалению, указанные главы не лишены и ряда недостатков композиционного характера. Крайне схематично, на двух страницах (с. 71—72), в главе II представлен раздел о современных средствах транспорта. В главе IV («Одежда») нам кажется неоправданным то, что вопреки принятому в этнографической литературе порядку описания автор дает сначала женскую, а потом мужскую одежду. Некоторые элементы одежды охарактеризованы недостаточно четко, встречаются неудачные определения. Непонятно описание женской рубахи русского покроя «...из четырех продольных кусков ткани. Эта рубаха состояла из двух частей: верхней и нижней (подола)» (с. 142).

Вряд ли правильно говорить о штанах типа «шаровар» (с. 146). А вот покроем штанов «чамбар» автор совсем не описывает, ссылаясь на аналогию с телеутскими, хотя сам указывает далее, что этот тип, по его мнению, является одним из древнейших в татарской одежде (с. 146, 176).

Отмеченные недостатки преимущественно мелкие и в целом не снижают научного уровня и значимости рецензируемой работы. Новая монография Н. А. Томилова представляет собой серьезный вклад в этнографическую литературу о Сибири. Следует отметить научную добросовестность автора, обосновывающего свои положения разнообразным фактическим материалом, а также тщательно выполненный справочный аппарат.

В. И. Васильев, И. В. Захарова

В. Е. Кварчия. Животноводческая (пастушеская) лексика в абхазском языке. Сухуми: Алашара, 1981. 136 с.

Заглавие книги В. Е. Кварчия как будто противоречит тому, чтобы рецензия на нее была опубликована в журнале, проблематика которого имеет мало общего с работами чисто лингвистического характера. Поэтому прежде всего следует сказать, что работа относится к тем лингвистическим исследованиям, которые не ограничиваются одной лишь этимологией, фонетическими и структурными характеристиками материала. В книге охвачен широкий круг проблем, и едва ли я ошибусь, если замечу, что этнографии (как современной, так и исторической) в нем уделяется ничуть не меньше внимания, нежели собственно лингвистике.

Цель автора, как сам он пишет, не только «представить в наиболее полном объеме абхазскую животноводческую (пастушескую) лексику, показать место последней в словарном составе языка, выявить источники и пути ее образования» (с. 9—10); в не меньшей степени «на основе этимологического анализа этой лексики делается попытка

осветить некоторые аспекты истории культуры животноводства у абхазов и их культурно-исторических связей с другими народами» (с. 10).

Что касается исследуемого материала, то, по заявлению автора, «значительная часть этого материала собрана в районах Абхазии путем устного опроса опытных животноводов, преимущественно представителей старшего поколения» (с. 10). Кроме того, значительная его часть извлечена (тоже автором) из различных научных публикаций, «а также из словарей, художественной литературы и периодической печати» (там же). Таким образом, в работе В. Е. Кварчия представлен терминологический материал (более 1500 лексических единиц) с соответствующей его этнолингвистической характеристикой, относящийся практически ко всем уровням исторического развития абхазского этноса.

Автор пользуется сравнительным методом. В целом ряде случаев В. Е. Кварчия воссоздал исторически верную картину взаимоотношений и взаимовлияний абхазов с соседними народами, в частности адыгскими (как и северокавказскими в целом), картвельскими (мегрелами, а также восточными грузинами) и др. Он приводит сравнительный материал из тюркских, иранских, древних малоазийских, угро-финских и других языковых семей и групп. Правда, в исследовании языка и этнографии абхазов он не является пионером. В его распоряжении был богатый исследовательский опыт таких ученых, как Н. Я. Марр, Н. Трубецкой, В. И. Абаев, Г. А. Климов, К. В. Ломтадзе, А. К. Шагиров, Г. З. Шакирбай, Ж. Дюмезиль, П. К. Услар, А. М. Дирр и др. (в том числе и научный редактор рецензируемой книги Б. Х. Балкаров). Но ценность исследования В. Е. Кварчия заключается и в том, что если перечисленные ученые пользовались материалами абхазского языка, в большинстве случаев владея им пассивно, то для В. Е. Кварчия исследуемый материал является родным.

Принципиальных замечаний к рецензируемой работе у меня нет. Что же касается частных, то они сводятся к следующему.

Хотя автор и привлекает в значительном объеме иноязычные материалы, но в этом отношении не обошлось без досадных погрешностей. Безусловным упущением исследователя является отсутствие в его труде сравнительных данных сванского языка и лазского диалекта мегрело-чанского языка. А между тем эти языки, носители которых в историческом и культурно-бытовом отношении абхамам ближе, чем даже родственные им по языку адыгские народы, дали бы автору обильный материал для общетеоретических выводов¹. К недостаткам работы следует отнести и полное отсутствие данных армянского языка, хотя в распоряжении исследователей имеется многотомный словарь армянского языка Гр. Ачаряна².

Целый ряд этноязыковых сопоставлений носит абстрактный характер, без тщательного выявления промежуточных звеньев, как бы вне времени и пространства. Например, абхазское слово *а-раш* — «мифический крылатый конь» — В. Е. Кварчия возводит к древнетюркскому *ораша* — «прекрасный» (из персидского *роушан* — «светлый», «ясный», «сияющий», «видный»), а также сопоставляет с немецким *Ross* — «конь» и, наконец, приводит зооним *раш* — «конь из персидской эпопеи» (с. 90). Приведенные автором древнетюркское и персидское слова по своему значению имеют мало общего с разбираемым абхазским термином. Их взаимосвязь опосредована мегрельским *раш-и* — «сказочный конь» (из общегрузинского фольклора) и восходит к названию коня Рустема — героя поэмы Фирдоуси «Шах-намэ» (В. Е. Кварчия ее неточно именует «персидской эпопеей»), сказания о котором получили широкое распространение в Грузии под общим названием «Ростомияни»³. Ни литературные источники, ни фольклор абхазов не свидетельствуют о наличии непосредственных этнокультурных контактов между ними и древними или средневековыми иранцами. Даже само абхазское название иранцев — *аджам* заимствовано из арабского через турецкий, т. е. не ранее XVI—XVII вв.

То же самое следует заметить и относительно слова *а-камбаш* — «буйвол». Говоря об исходных формах этого слова, В. Е. Кварчия на первое место ставит северокавказские его варианты, увязывая с ним и картвельские — груз. *камец-и* мегр. *камбеш-и* (с. 85). Все указанные разновидности данного термина со ссылкой на В. И. Абаева возводятся к персидской *gomes* (кстати, это древнеперсидское слово в осетинском языке В. И. Абаев считает заимствованием из грузинского⁴). Но дело в том, что абх. *а-камбаш* фонетически не соотносится ни с одной из приводимых В. Е. Кварчия архаичных форм указанного термина, а примыкает лишь к мегрельской

¹ Не говоря уж о том, что в рецензируемой работе не сказано о таких крупных лексикографических трудах, обильных также и этнографическими сюжетами, как «Словарь грузинского языка» С.-С. Орбелиани, восьмитомный «Толковый словарь грузинского языка» и мн. др., в своем исследовании В. Е. Кварчия практически не использовал работы Н. Я. Марра (Грамматика лазского (чанского) языка с хрестоматией и словарем. СПб, 1911) и И. Кипшидзе (Грамматика мингрельского языка с хрестоматией и словарем. СПб., 1914), а также многочисленные этимологические публикации по картвельским языкам Г. А. Климова, выполненные на основе широкого сравнительного анализа, и т. д.

² Ачарян Гр. Этимологический коренной словарь армянского языка. Т. I—IV. Ереван: Изд-во Ереванского гос. ун-та, 1971—1979 (на арм. яз.).

³ Грузинские версии «Шах-намэ». Т. I. Тифлис, 1916. Т. II. Тбилиси: Мецниереба, 1976 (на груз. яз.).

⁴ Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1958, с. 618.

и именно через последнюю восходит к грузинской, в свою очередь связанной с персидской, и, таким образом, выявляется широкий план этноязыковых связей абхазского народа.

Определенный культурно-исторический интерес представляет привлекаемый автором термин *адзатд* — «ритуальное (священное) животное». «В прошлом каждое семейство абхазов, — пишет автор, — старалось иметь корову, специально посвященную творцам (богам) — *ашацда*. Такая корова отпускалась с прорезанным ухом, и она пользовалась особым вниманием со стороны хозяев» (с. 106). Замечу, что аналогичный случай существовал и у некоторых соседних абхазам групп, например мегрелов. Предположение автора о связи указанного термина с турецким *azat* — «свободный», «освобожденный», «отпущенный» (там же) — можно уточнить. Дело в том, что турецкий язык, в котором *azat* представляет собой заимствование или из персидского, или из армянского, мог быть лишь передаточным звеном между этими языками и абхазским.

Разбирая термин *а-пина* — «порода маленьких собак, пудель», В. Е. Кварчия пишет: «По-видимому, восходит к тур. *bina* — „видящий“, „зоркий“, „проницательный“» (с. 102) — и сюда же относит груз. *phinia* и аналогичное мегрельское слово. Связь абхазского и грузинского слов с приведенным турецким ввиду смыслового несоответствия несостоятельна. Слово *а-пина* восходит к грузинскому *пин-неба* с приращением в мегрельском и западнотурецких диалектах уменьшительного суффикса *-иа* и значит «стелиться», «ластиться», «ласкаться»⁵.

Анализируя народный термин *м-дзысхва* — «коза, окотившаяся в раннем возрасте», автор отмечает нетипичную для абхазского языка префиксальную фонему *м-* и предположительно считает ее приращением, характерным только для абжуйского диалекта (с. 79). Действительно, наращение *м-* (по специальной терминологии — эпентеза) в данном случае носит неэтимологический характер и представляет собой след фонетического влияния мегрельского (в котором этот элемент является типичным и широко представлен) на абжуйский диалект абхазского языка.

Примечательна общность в абхазском и мегрельском термина *а-кабла* — «годовалый теленок» (самка), указывающая на тесные этнокультурные связи абхазов с соседними народами. По замечанию В. Е. Кварчия, этот термин «бытует преимущественно в Абжуйской Абхазии и в соседней Мегрелии». Говоря о соотношении этого термина в двух названных языках, автор пишет: «Трудно сказать, кто у кого заимствовал. По-видимому, первоисточник перс. *габилеи* — „племенной, родовой“» (с. 83—84). Если даже признать это наблюдение автора верным и видеть в мегрелах одно из передаточных звеньев между иранцами и населением Абхазии, то здесь (как и в целом ряде случаев) мы имеем дело с одним из тех фактов, на которые указывал еще Н. Я. Марр, писавший, что историческая близость абхазов и мегрелов выработала у них общие «народные религиозные верования и многие стороны бытового культа, иногда до степени идентичности с общностью терминологии»⁶.

В целом работа В. Е. Кварчия вполне заслуживает положительной оценки. Она написана не только с привлечением обширного круга материалов, в ней дан также квалифицированный их анализ, и потому рецензируемый труд может сыграть важную роль в аналогичных исследованиях, необходимость которых давно назрела.

Наши замечания не отражаются на общей оценке труда В. Е. Кварчия, значение которого определяется не отдельными его погрешностями, а несомненными достоинствами. Указанные недочеты лишь свидетельствуют о том, сколь трудны были задачи, стоявшие перед автором, и как много еще предстоит сделать в области изучения народной терминологии, о значении которой можно сказать словами выдающегося советского ученого В. В. Виноградова, приведенными в начале рецензируемой работы: «История терминологии — это проблема не только национально-историческая, но и интернациональная, проблема истории мировой науки и проблема истории человеческих цивилизаций, истории и культурных взаимодействий и группировок народов».

Г. В. Цулая

⁵ Ср. Иллич-Свитыч В. М. *Caucasica*. — В кн.: Этимология. 1964. М.: Наука, 1965, с. 336—337.

⁶ Марр Н. Я. Избранные работы. Т. 5. М. — Л., 1936, с. 28.

Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах/Сост., автор предисл., примеч. и комментариев Л. А. Чибиров. Книга 1. Цхинвали: Ирыстон, 1981. 303 с.; книга 2. Цхинвали: Ирыстон, 1982, 371 с.

Материалы периодической печати уже давно и прочно вошли в круг этнографических источников. Кавказоведы также часто и охотно их используют. В настоящее время трудно представить исследование, посвященное быту и культуре кавказских народов прошлого и начала этого века, без привлечения ценнейших сведений, которые можно почерпнуть в многочисленных газетах, выходивших в то время во многих городах Кавказа. На это есть веские причины.

Русская дореволюционная печать — в особенности провинциальные издания — всегда уделяла значительное внимание быту и нравам местного населения. Кавказские издания не были в этом смысле исключением. На их страницах очень часто, по-